

ДРУЗЬЯ ВСТРЕЧАЮТСЯ ВНОВЬ

стерством исполнителей. Читинцы уже привыкли к всеобщему отточенному искусству заслуженного артиста РСФСР Г. С. Мурина (дядюшка Крыжан), к личности и сценической искренности заслуженной артистки РСФСР и Коми АССР В. М. Пяконской, выступившей в роли певицы Кабреро. А вот несомненные драматические (а не только вокальные) достоинства новых артистов театра: В. А. Пирогова (Дьердь Петери) и Т. С. Лагуновой (солистка венгерского ансамбля Анна Сегеди) — явились для каждого из нас приятным открытием. Если прикоснуться к этому превосходному творчеству исполнителей «отрицательных» ролей артистов Е. К. Волошиной (богатая авторпремиера Гонзалес) и М. И. Шнейдерман (Родриго, бывший муж миллионерши Гонзалес), если добавить удачу исполнителей эпизодических ролей М. А. Квашниной (Ютка), В. А. Сафонцева и В. И. Брагина (частные сыщики мадам Гонзалес), а также психологически верно сыгранную А. И. Коллиным роль руководителя венгерского ансамбля Бодзаша, то станет ясным, почему трудный для театра спектакль обрел художественное единство. Мелодичная и ясная музыка Э. Кемени, пародийные и венгерские народные танцы, естественно, благодаря этому влились в ткань спектакля.

Н ИКТО НЕ СТАНЕТ ОСПАРИВАТЬ, что Иркутский театр музыкальной комедии и читинский зритель — друзья. Причем друзья давние и верные.

Может быть, крепость дружбы объясняется тем, что именно в Чите родился этот театр? Или тем, что в его труппе и по сей день сохранилась «читинская прослойка»?

Да, многих из нас связывает с иркутскими артистами личная дружба, личная привязанность. Именно поэтому, например, у главного дирижера театра А. С. Кулешова в эти дни побаливают руки от могучих пожатий тех, кто поздравил его с недавним присвоением звания заслуженного артиста РСФСР: друзья не щадят даже дирижерских ринд.

Но не в личном плане истоки дружбы иркутских артистов и читинцев. И не «из приятельских соображений» читинцы поспешили купить билеты на все гастрольные спектакли иркутяне. Дело тут в доверии театру, в любви к его искусству, в уверенности, что каждый спектакль гостей принесет радость, доставит наслаждение. Именно наслаждение, хотя зачастую, оценивал то или иное произведение искусства, мы «забываем» об этом обязательном его качестве: доставлять эстетическое наслаждение.

Но... взмахнул своей палочкой дирижер Е. В. Потапов — и в переполненном зале Дома офицеров звучит увертюра оперетты современного венгерского композитора Э. Кемени «Где-то на юге». Начался первый гастрольный спектакль...

Есть в спектакле такое мгновение, когда занавес уже распахнулся, но действие еще не началось. В этот миг зритель спешит оглядеть сцену, увидеть место действия. Ведь потом само действие уже отвлечет его...

Думаю, что в этот раз у многих возникло такое впечатление, словно театр показывает премьеру: новизна декораций, скрупулезная аккуратность во всех деталях оформления — от огней

в окнах «небоскрегов» некоего южноамериканского города до туго накрахмаленного фартука барменши у парадной стойки в правом углу сцены.

Многие театралы помнят и другие времена. Помнят полинявшие, запыленные задники, ослепшие облупившейся краской, перьями, изношенную бутафоршо... Такое случилось видеть и во время гастролей улан-удэнской оперы и во время гастролей... иркутяне.

Может быть, «Где-то на юге» — вообще новый спектакль? Нет, он идет достаточно давно и новый лишь для читинцев. Вот почему особенно дорога эта забота театра о том, чтобы показать новому зрителю свою работу в предельно добром качестве, без скидок на «гастрольность».

К счастью, не только это говорило о том, что иркутяне всерьез дорожат доверием и любовью читинцев. Весь спектакль провели они в отличном ритме, на хорошем волнении — так, как играют перед самым взыскательным зрителем, мнение которого очень дорого театру.

Спектакль «Где-то на юге» необычен. Он во многом отступил от традиционно «легких» прославленных венгерских оперетт прошлого. Прежде всего это отличие заключено в подлинном драматизме основной сюжетной линии и многих эпизодов спектакля.

Казалось бы, не в каютах оперетты брать в основу сюжета трагедийную ситуацию. Такое противоречит самому жанру, не так ли? А ведь судьба «перемещенного лица» — талантливый венгерский композитор Петери, — лежащая в основе сюжета, трагична всерьез. Проявив малодушие в дни освобождения его родины советскими войсками, он покинул землю отцов. После многих лет скитаний по лагерям для «перемещенных» Петери падает в искусу южноамериканскую республику. Ему твердят, что это счастье — жить в «свободном мире». Но жизнь убеждает его в другом: в мире живы, в мире, где и честь, и талант, и

любовь оцениваются звонкой монетой, нет места честному художнику, настоящему творчеству.

Пошла драматизма и судьба другого венгра — старого дядюшки Крыжана, эмигрировавшего в Америку еще задолго до войны, но за все эти годы так и не сумевшего скопить денег на обратный путь в новую Венгрию. Драматична и судьба испанской певицы Кабреро, не ведающей родины, неспособной уже найти смысл жизни...

«Смысл жизни...». Странными могут показаться такие слова при разговоре об оперетте. Может быть, композитор Э. Кемени, либреттист Л. Таби, переводчики, а с ними и театр забыли о специфике жанра? К счастью, ни те, ни другие ничего не забыли и не перепутали. И уж во всяком случае Иркутский театр (это доказал спектакль) сохранил верность жанру оперетты — радостному, лиричному, доказав, насколько гибки и емки рамки этого жанра, когда вкладывают в него и мысль и сердце.

«Где-то на юге» в постановке иркутяне убеждает, что и оперетте подвластен серьезный разговор о серьезных проблемах, что и она может, кроме традиционно го веселья, шуток, «опереточных» страстей и горестей, нести в зал настоящее волнение, подлинный гражданский пафос. И даже множество условий, неизбежных в музыкальной комедии, этому не мешают. Свидетельством тому длительная овация после спектакля, взволнованные и радостные лица зрителей.

Думается, что успех постановки современной и во многом поваторской венгерской оперетты объясняется прежде всего единством ансамбля спектакля, тонким, неназойливым выделением главного в нем: внутренней борьбы Петери, борьбы за него. Это несомненная заслуга постановщика — главного режиссера театра, заслуженного артиста РСФСР А. Н. Орлова.

Успех оперетты объясняется также и заметным возросшим даже со времени прошлых гастролей актерским ма-

стерством исполнителей. Читинцы уже привыкли к всеобщему отточенному искусству заслуженного артиста РСФСР Г. С. Мурина (дядюшка Крыжан), к личности и сценической искренности заслуженной артистки РСФСР и Коми АССР В. М. Пяконской, выступившей в роли певицы Кабреро. А вот несомненные драматические (а не только вокальные) достоинства новых артистов театра: В. А. Пирогова (Дьердь Петери) и Т. С. Лагуновой (солистка венгерского ансамбля Анна Сегеди) — явились для каждого из нас приятным открытием. Если прикоснуться к этому превосходному творчеству исполнителей «отрицательных» ролей артистов Е. К. Волошиной (богатая авторпремиера Гонзалес) и М. И. Шнейдерман (Родриго, бывший муж миллионерши Гонзалес), если добавить удачу исполнителей эпизодических ролей М. А. Квашниной (Ютка), В. А. Сафонцева и В. И. Брагина (частные сыщики мадам Гонзалес), а также психологически верно сыгранную А. И. Коллиным роль руководителя венгерского ансамбля Бодзаша, то станет ясным, почему трудный для театра спектакль обрел художественное единство. Мелодичная и ясная музыка Э. Кемени, пародийные и венгерские народные танцы, естественно, благодаря этому влились в ткань спектакля.

Автора могут упрекнуть в том, что он все видит в розовом свете, неужто, мол, все идеально в спектакле?

Нет, не все. Вот, скажем, не следовало бы неть дядюшке Крыжану последнего своего кулета о жене. Во-первых, потому, что он дурно сделал, а во-вторых, разбивает он настоящее, светлое представление о подруге старого венгра, возникшее благодаря тонкой игре Мурина.

И. ПОДРОЖАНСКИЙ

«ЗАБАВКА» ЭМИЛ РАБОЧИНА
15 ИЮНЬ 1952